

РУССКИЙ МАТРОС

Как бы назвать мне свой отзыв на одну скромную редкую книжечку под названием «Из записной книжки»? В этом вопросе уже звучит и ответ... Конечно, рецензией, как же иначе? Читатель вправе меня кое о чём спросить. Почему скромную и почему редкую? Но слово «рецензия» - нерусское слово. Так и несёт от этого слова казённости («реформа», «рефлексия» и т.д.). Разве и слова пахнут? Да, иногда и слова пахнут... Иногда они воняют своим чужебием, словно клопы... Это во-первых. Во-вторых, стояла передо мною сложная задача: избавиться от многословия... Поневоле задумываешься, чем заменить неприятное слово. Из дальнейших моих размышлений читателю станет ясно, почему я осторожничаю...

Василий БЕЛОВ

Без примеров из собственной жизни мне не обойтись. Вот на минувшее Рождество приехал в Вологду представитель (то есть корреспондент) «Литературной газеты». Не буду называть его имя и фамилию. «А почему бы и не назвать?» - спрашиваю сейчас сам себя. А потому что моя борьба с личным моим многословием оборачивается очередным моим многословием, с которым я собрался было бороться в этой крохотной статейке. Журналисты - народ ушлый, того и гляди обвинят в непоследовательности, в противоречии самому себе и прочее, и прочее.

Так не пора ли вернуться к своим баранам, как говорят во Франции? То бишь к началу своего отзыва. Опять вопрос. А ведь я собирался быть многословным, не употреблять лишнего раз вопросительных выражений. Как тут не вспомнить народную мудрость: «Блажен, кто верует». А она, народная мудрость, выражается в пословицах чаще всего. Может быть, чаще, чем в молитвах. Так вот, не принял я незваного гостя из «Лит. газеты». Отправил его обратно в столицу, а теперь страдаю. Вдруг он обидится и напишет какую-либо несурезицу? Не правду какую-нибудь? Так бывает, знаю по собственному опыту. Бывал я и журналистом, и ярым газетчиком. Знаю, что такое всякие древнейшие профессии. Увы, знаю слишком хорошо. Поэтому и осторожен, на ощупь иду замену слову «рецензия». Кстати, так до сих пор и не нашёл. «Не будь занудой, - твержу сам себе. - Начинать-ка свой отзыв!» Изволь, дорогой читатель, надеюсь, что редакция не станет править мой опус ни при помощи сокращений, ни при помощи вмешательства в ход моих рассуждений.

Но опять не обойдусь я от длиннот, вполне зависимых от жанра моей статьи. Что такое жанр? Опять не русское слово, а французское... Если б речь шла о живописи, то было бы проще, однако речь у нас о слове, вернее, о русских словах, поэтому точное определение весьма длинно. Надеюсь, все знают, что значит «жанр» в литературном, не в живописном смысле.

В начале этой моей статьи я совершил хитрость, не сказал название книги полностью. Виноват, больше не буду. Вот оно, полное название - «Из записной книжки С.И. Корзникова». Придётся мне освободиться от всяких хитростей и рассказать историю этой книги. Она довольно долго лежала в моём столе, пока не пришла её очередь и я не начал её читать... С первых страниц открылись невероятные правдивые свойства этой книжечки, изданной в г. Архангельске. Подпись от руки гласила: «Василию Ивановичу Белову от внучки Степана Ивановича Корзникова. Ольга Георгиевна Корзникова. 28.06.2003 г.» Адрес обратный был, но те-

лефон оказался неправильный, не хватало одной цифры. После чтения бросился я искать эту цифру и способ дозвониться до Архангельска. Очень жаль, что я не ответил этой женщине сразу, что книжка лежала так долго. Впервые в жизни я понял, что значит по-настоящему правдивая книга.

Я был благодарен ИПП «Правда Севера» и людям этого ИПП, сумевшим издать эту книгу тиражом всего лишь в одну тысячу экземпляров. Издатели назвали книжку С.И. Корзникова народным романом, и я с ними почти согласен. Это и впрямь роман, только роман документальный. Если вспомнить Василия Макаровича Шукшина, который мимоходом сделал литературное открытие: стремясь к истинной правде, он отнюдь не случайно почти ввёл в литературу понятие нового жанра - документальный рассказ. Вернее, не в литературу, а в критику.

О, как всё в мире и в жизни взаимосвязано! Жизнь и смерть, музыка и абсолютная тишина. А знают ли читатели всяких книг, что существуют книги художественные и не очень художественные, книги абсолютно честные, книги относительно честные. Но и здесь я вмешиваюсь в область критики и литературоведения. А бывает ли критика художественная, художественное литературоведение? Утверждать, что они безусловно существуют, я не осмеливаюсь. Да, господа, не осмеливаюсь. Наверное, есть и критические книги, близкие в чём-то к художественным. Разницу между очерком и рассказом я, в общем-то, представляю, но разница между критической и статьёй полноценно художественной, то есть образной, мне видится весьма и весьма смутно... Если же говорить о шукшинском случайном открытии нового жанра, то есть документального жанра рассказа, то тут Василий Макарович слегка опоздал. Уже был народный роман Степана Корзникова. Роман (это выражение не мое и не Степана Ивановича, а архангельских издателей) благополучно дошёл до нас и даже был издан тиражом в тысячу экземпляров. Слава Богу, что он дошёл до нас!

Что такое книга? Прежде всего, она - физическое воплощение книги, то есть сама книга, она имеет вес, запах, она бумажная (раньше были и пергаментные). Её можно ощутить, понюхать и даже сжечь на огне... Что и делалось веками. Люди сжигали книги, ведь они, книги, беззащитны!

Уже много веков человека сопровождает книга. Бывали книги и, увы, грешные, и святые, безгрешные, герои книг были всякие - полезные и вредные человеку! Всё было... Но чем же отличается от других наша книга?

Дорогие читатели, обратите внимание на название моей статьи «Русский матрос». Не крестьянин, не мужик, не солдат, а именно матрос. Он закончил записи в своей записной книжке 11 июля 1913

года. Начал записывать в 1889 году и ни разу не сбился с правдивого, абсолютно искреннего тона, что и заставило меня написать свой отзыв. (В некоторых местах я даже плакал). Вряд ли я уж такой природно сентиментальный. Я думал: вот как надо писать документальные вещи, то есть абсолютно искренне. Правдивей книг я ещё не читал... Именно так надо создавать автобиографические, документальные книги! Самый живой, самый определённый пример, причём относительно недавний пример - это книжка Степана Корзникова! Он теперь, конечно, не жив, он давно мертв, но таким, как он, и ставят памятники...

Правда, его записи разделены на две вполне чёткие части: на крестьянскую службу (любовная история) и на службу флотскую (хождение по морям во время русско-японской войны). Ни там, ни тут Степан Иванович не отступал от своей крестьянской правдивости! Даже почерк его не фальшивый, настоящий (на стр. 23-26 находится факсимильная фотография), по этому почерку и теперь можно учить детей. Книга снабжена фотографиями любимой женщины Степана и снимком крейсера «Адмирал Нахимов» и т.д.

Не менее интересна и нынешняя история. Создание памятника погибшим морякам кичменгско-городецкими и никольскими участниками Морского районного собрания. История, отражённая в моей переписке с внучкой Степана Ивановича. Меня лично особо интересует гибель «Стерегущего», упоминаемая мною в книге «Час шестой».

«Удивительно, - пишет внучка, - но дом деда стоит. Побывала я на кладбище прадедов и дедов, прабабушек и бабушек... Съездила в Никольск. Моряки задумали установить мемориальную доску в селе Нижняя Ентала в честь земляка - моряка минёра с «Стерегущего» Денежкина Иннокентия Алексеевича (погибшего вместе со «Стерегущим»). В письме на родину 16 февраля 1904 г. он писал, что может, придётся стелить постель на морском дне. Денежкин И.А. - родной дядя моей матери Корзниковой Александры Викторовны, то есть брат моей бабушки Анны Алексеевны Денежкиной (в замужестве Ординой). Ольга Корзникова. 24.12.2003 г.» Кстати, Александр Яшин тоже был моряком, и тоже никольским крестьянином. Таковы вообще многие мои земляки. Господь, спаси их и сохрани, а мертвых помяни во Царствии Твоём! Я так часто слушаю песню о гибели «Стерегущего» в исполнении валаамских монахов. А эта песня не чета жалкой песенке о Морском дьяволе...

*Эй, моряк, ты слишком
долго плавал,
Я тебя успела позабыть,
Мне теперь морской
по нраву дьявол*

Его хочу любить!
Утверждаю, что с помощью кино можно разрушать могучие государства и, следовательно, национальную культуру.

Что и случилось с нашим Союзом. Как? - спросит читатель. Неужто гибнут от такой безделицы, как кино? Да, гибнут. Не зря же вокруг кино поднялась такая всемирная возня, премияльная и газетная! Собственно, разрушает культуру не кино, а музыка. То есть песенки, вроде упомянутой. И не напрасно Г.В. Свиридов так тщательно отделил народные песни от всего прочего...